

ровать реку. Он, конечно, обрушит на вас всю мощь своего огня. А тем временем форсируем Днепр в другом месте.

Сказав это, комбат пристально посмотрел на бойцов. Он хотел знать, как восприняли они этот приказ своим сердцем. По взгляду, «боевому огоньку», что светился в очах каждого, он понял, что ошибся в подборе группы, и после небольшой паузы спросил:

— Приказ ясен?

— Так точно, — ответили дружно бойцы.

— Вопросы ко мне есть?

— Никаких нет. Готовы выступить.

Комбат улыбнулся:

— Я так и знал.

Сержанту, командиру группы, он еще раз и уже более подробно объяснил задачу, рассказал, где взять переправочные средства и боеприпасы. Крепко пожав каждому руку, майор твердо и почти сурово сказал:

— Помните — это приказ Родины, приказ Верховного Главного командующего Маршала Советского Союза товарища Сталина! Уверен, что вы с честью выполните его.

— Так точно, с честью. Не пожалею сил и самой жизни для блага нашей Родины!

В эту ночь рядовой Пугачев не уснул. Он почистил свою винтовку и приготовил ее к бою, потом осмотрел свое небольшое солдатское имущество и лег навзничь, подложив под голову руки.

Не в первый раз приходится ему лицом к лицу встречаться с врагом. Он участвует в третьей войне. Еще молодым Пугачев был немцем во время первой мировой войны; он был белогвардейцем и интервентом в годы гражданской войны, да и в этой войне под Севском, где он впервые был ранен, командование было удовлетворено его действиями в бою.

И Терентий Дарыдович мысленно решил: «Нет, не посрамлю Родину! Приказ товарища Сталина будет выполнен, хотя бы мне это стоило жизни».

Невольно вспомнились ему привольные колхозные поля, залитые золотым морем зреющих хлебов. Он вспомнил свою артель «Красное поле» и невольно улыбнулся, словно теплым ветром обдало его с головы до ног.

Едва только начало светать, как бойцы сели в лодку. Несмотря на ранний час, немцы быстро заметили лодку и сразу же открыли по ней бешеный пулеметный и минометный огонь. Пули и мины ложились возле лодки, поднимая вокруг нее водяные столбы. Вода бурлила вокруг.

В первые же минуты трое отважных бойцов были убиты. Тяжело, когда на твоих глазах умирает боевой товарищ! В этот момент

ненависть к врагу охватывает тебя всего. Руки крепче сжимают оружие, а устремленный вперед взор ищет врага, чтобы отомстить ему за погибшего друга.

Такое чувство охватило бойцов, когда они увидели гибель трех своих боевых друзей.

— Вперед! — скомандовал командир группы. Гребцы еще сильнее налегли на весла. Лодка рванулась вперед, стремительно направляясь к цели.

Враг понял, что ему не сломить воли горстки храбрецов. Он осыпал лодку градом пуль, мин и снарядов. Точно смерч бушевал вокруг. Лодку бресало из стороны в сторону, в нескольких местах она была уже пробита и дала течь. Бойцы своим телом закрывали пробоины и неуклонно продвигались вперед.

— На берег! Окопаться! — скомандовал сержант.

Один за другим бойцы прыгнули в воду, быстро вышли на берег и окопались.

— Огонь!

Затрещали станковый и ручные пулеметы, автоматы, винтовки. Огонь был мощный, казалось, что здесь залегла целая рота.

Немцы, повидимому, стянули с других участков артиллерию и минометы, потому что через несколько минут после высадки группы бойцов враг открыл еще более мощный огонь. Храбрецы чувствовали, что их маневр удастся и радовались в душе.

— Значит приказ выполняем правильно, — передавали они друг другу по цепи.

А между тем, ряды бесстрашных с каждым часом редели. Потребовалось еще несколько товарищей. Некоторые бойцы были ранены. Но раненные не покидали линии огня. Только на несколько минут умолкало их оружие. Эти несколько минут требовались для того, чтобы под крутым берегом перевязать рану. После этого боец вновь подползал к своему оружию и открывал неистовый огонь по врагу.

Короток день в октябре, а бойцам он показался вечностью. Надо было удержаться до вечера. До него теперь уж недалеко.

Было очень холодно... Люди при переправе вымокли еще не добравшись до берега. В первые часы боя они стояли по пояс в воде. Но бой есть бой. Об удобствах думать не приходится. Люди не чувствовали осеннего пронизывающего ветра, они забыли обо всем. Несколько раз они обливались потом. От их разгоряченных тел шел пар. Только одна мысль занимала отважных: «Как бы немцы не догадались, что их обманывают».

И несмотря на то, что защитников рубежа с каждым часом становилось все меньше — огонь ни на минуту не ослабевал. В начале боя у станкового пулемета было трое людей, — теперь с ним управлялся